

Константин Николаевич Батюшков

**Хоровод времен.
Всегласность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
К65

К65 **Константин Николаевич Батюшков**
Хоровод времен. Всегласность / Константин Николаевич Батюшков – М.:
Книга по Требованию, 2012. – 64 с.

ISBN 978-5-4241-2247-7

Литературное наследие К.Н.Батюшкова невелико, но его систематически печатавшиеся стихотворения имели большое значение в литературно-общественном движении 10-х годов XIX века. Начиная с 1809 года, когда получила широкое распространение его сатира "Видение на берегах Леты", и кончая 1820 годом, когда вышли его антологические стихотворения, Батюшков, наряду с Жуковским, - самый крупный поэт, во многом определивший дальнейший расцвет русской поэзии. Еще современники оценили плодотворную деятельность поэта по совершенствованию стиха и поэтического языка.

ISBN 978-5-4241-2247-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Константин Бальмонт
ХОРОВОД ВРЕМЕН
ВСЕГЛАСНОСТЬ
1908 — Май

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

БЕЛЫЙ ЛЕБЕДЬ

Посвящаю эти строки матери моей

Вере Николаевне Лебедевой-Бальмонт

*Чей предок был Монгольский
Князь Белый Лебедь Золотой Орды.*

1

Конь к коню Гремит копыто.
Пьяный, рьяный, каждый конь.
Ген, за степь! Вся степь изрыта.
В лете коршуна не тронь.
Да и лебеда не трогая,
Белый Лебедь заклюет.
Гей, дорога! Их у Бога
Столько, столько — звездный счет.

2

Мы оттуда, и туда, все туда,
От снегов до летней пыли, от цветов до льда.
Мы там были, вот мы здесь, вечно здесь,
Степь как плугами мы взрыли, взяли округ весь.
Мы здесь были, что то там, что вон там?
Глянем в чары, нам пожары светят по ночам.
Мы оттуда, и туда, все туда,
Наши — доли, наши — реки, села, города.

3

Для чего же и дан нам размах крыла?
Для того, чтобы жизнь жила.
Для того, чтобы воздух от свиста крыл
Был виденьем крылатых сил.
И закроем мы Месяц толпой своей,
Пролетим, он блеснет светлей.
И на миг мы у Солнца изменим вид,
Станет ярче небесный щит.
От звезды серебра до другой звезды —
Наш полет Золотой Орды.
И как будто за нами бежит бурун,
Гул серебряно-звонких струн.
От червонной зари до зари другой

Птичьи крики, прибой морской.
И за нами червонны цветы всегда,
Золотая живет Орда.

4

Конь и птица-неразрывны,
Конь и птица — быстрый бег.
Как вдали костры призывны!
Поспешаем на ночлег.
У костров чернеют тени,
Приготовлена еда.
В быстром беге изменений
Мы найдем ее всегда.
Нагруженные обозы —
В ожидании немом.
Без вещательной угрозы,
Что нам нужно, мы возьмем.
Тени ночи в ночь и прянут,
А костры оставят нам.
Если ж биться с нами станут,
Смерть нещадная теням.
Дети Солнца, мы приходим,
Чтобы алый цвет расцвел,
Быстрый счет мы с миром сводим,
Вводим волю в произвол.
Там где были разделенья
Заблудившихся племен,
Входим мы как цельность пенья,
Как один прибойный звон.
Кто послал нас? Нам безвестно.
Тот, кто выслал саранчу,
И велел дома, где тесно,
Поджигать своим «Хочу».
Что ведет нас? Воля кары,
Измененье вещества.
Наряжался в пожары,
Ночь светла и ночь жива.
А потом? Потом недвижность
В должный час убитых тел,
Тихой Смерти необлжность,
Черный коршун пролетел.
Прилетел и сел на крыше,
Чтобы каркать для людей.
А свободнее, а выше —
Стая белых лебедей.

5

Ночь осенняя темна, уж так темна,
Закатилась круторогая Луна.
Не видать ее, Владычицы ночей,
Ночь темна, хоть много звездных есть лучей.
Вон, раскинулись узором круговым,
Звезды, звезды, многозвездный белый дым.
Упадают. В ночь осеннюю с Небес
Не один светильник радостный исчез.
Упадают. Почему, зачем, куда?
Вот, была звезда. И где она, звезда?
Воссияла лебединой красотой,
И упала, перестала быть звездой.
А Дорога-Путь, Дорога душ горит.
Говорит душе. А что же говорит?
Или только вот, что есть Дорога птиц?
Мне уж мало убеганий без границ.
Мне уж мало взять костры, разбить обоз,
Мне уж скучно от росы повторных слез.
Мне уж хочется двух звездных близких глаз,
И покоя в лебедино-тихий час.
Где ж найду их? Где, желанная, она?
Ночь безлунная темна, уж как темна.
Где же? Где же? Я хочу. Схвачу. Возьму.
Светят звезды, не просветят в мире тьму.
Упадают. За чередою череда.
Вот, была звезда. А где она, звезда?

6

— Где же ты? Тебя мы ищем.
Завтра к новому летим.
— Быть без отдыха — быть нищим.
Что мне новый дым и дым!
— Гей, ты шутишь? Или — или —
Оковаться захотел?
— Лебедь белый хочет лилий,
Коршун хочет мертвых тел
— А не ты ли красовался
В нашей стае лучше всех?
— В утре — день был, мрак качался
Не смеюсь, коль замер смех.
— Ген, заханешь здесь в затоне.
Белый Лебедь, улетим!
— Лучше в собственном быть стане,
Чем грозой идти к другим. —
— Гей, за степи! Бросим, кинем!
Белый Лебедь изменил.
Скрылись стаи в утре синем

В Небе синем — звон кадил.

7

— Полоняночка, не плачь
Светоглазочка, засмейся.
Ну, засмейся, змейкой вейся.
Все, что хочешь, обозначь.
Полоняночка, скажи
Хочешь серьги ты? Запястья?
Все, что хочешь Только б счастья.
Поле счастья — без межи.
О, светлянка, поцелуй!
Дай мне сказку поцелуя!
Лебедь хочет жить ликуя,
Белый с белой в брызгах струй.
Поплывем, — не утоплю.
Возлетим, — коснусь крылами
Выше. К Солнцу! Солнце с нами!
— Лебедь... Белый... Мой... Люблю...

8

Опрокинулись реки, озера, затоны хрустальные,
В просветленность Небес, где несчетности Млечных путей.
Светят в ночи веселые, в мертвые ночи, в печальные,
Разновольность людей обращают в слиянность ночей.
И горят, и горят Были вихрями, стали кадилами
Стали бездной свечей в кругозданности храмов ночных.
Морем белых цветов Стали стаями птиц, белокрылыми.
И, срываясь, поют, что внизу загорятся как стих.
Упадают с высот, словно мед, предугаданный пчелами.
Из невидимых сот за звездой упадает звезда.
В души к малым взойдут Запоют, да пребудут веселыми.
И горят как цветы. И горит Золотая Орда.

1908 Ночи Зимние.
Долина Берез.

ТРИНАДЦАТЬ ЛУН

ЯНВАРЬ

Славянский Просиней, в сосульках весь, Январь,
Как будто Новый Год, как будто смотрит в старь,
Поставлен Декабрем, и словно в правду царь.
Морозит, и казнит, и носит горностаи,
Пощады от него в лесу не ожидай,
А все же знает сам, что будет Март и Май.
Хотя у Января и долог белый зуб,
Хоть золотом лучей по-старчески он скуп,
Труби в метель-трубу, — что толку в ревах труб?
Едва Январь вошел в хрустальный свой дворец, —
Раскрыла чуточку Весна цветной ларец,
И стали дни расти и петь Зиме конец.
Поют они, поют, и луч на них блеснет,
Поют они, что вот снежинкам спутан счет,
Что льды-то хороши, а тает все ж и лед.
И слушает Январь, бледнеет, побелел,
Синеет, весь застыл, увидел свой предел,
Так, Просинец, синей, конец тебе приспел.

ФЕВРАЛЬ

Февраль — Сечень, Февраль — печаль,
Короткий день, а дня нам жаль,
Короткий день, и длится ночь.
Тут как менять? Тут как помочь?
Февраль, он крут, Февраль, он лют,
Ему лишь ветры стих поют.
Сечет он снегом лица нам,
Сечет он зиму пополам.
Февраль — предатель. Бойся тот,
Кому Февраль теплом дохнет.
Он греет час, в обманах дней,
Чтоб ночью было холодней.

МАРТ

Март капризный, Март безумный, Итальянцы говорят,
Месяц тот, что пред Апрелем — так его, боясь, крестят.
Стонут мартовские кошки, в нашем сердце и на крыше,
И сказать нам невозможно, где свирепее, где тише.
Март у матери взял шубу — продал мех на третий день,
Март неверный, Март смеется, Март рыдает, свет и тень.

Март ворчит как старый старец, Март лепечет как ребенок,
Март приходит львом могучим, а уходит как ягненок.
Входит в кровь и в сновиденья, влажным делает наш взгляд,
Март безумный, Март безумный, Итальянцы говорят.

АПРЕЛЬ

Апрель — разымчивый Цветень,
Апрель — сплошной Егорьев день,
В упорной схватке свет и тень.
Пучинный месяц, жив прилив,
Разлив широк, поток красив,
От мига — час для новых нив.
Последних льдинок тонкий звон,
Прилет крылатых завершен,
Поют и вьют, вступают в сон.
Но все ж, хоть много снов зажглось,
Двенадцать раз седой Мороз
Посеребрит луга, откос.
И будет рыжая Луна,
Врагиня грез, она страшна,
Цветам в ней ржавчина одна.
Но если холод — лиходей,
Егорий есть в разливе дней,
Защита трав, полей, зверей.
На белом ездит он коне,
И щит его в живом огне,
Седло в цветочной пелене.
Он появляется в лесах,
Весь в красном золоте, в звездах,
Златые кудри — в жемчугах.
И зверю он дает наказ,
Пчеле велит, чтобы зажглась,
Покинув улей в ранний час.
Егорий едет — слышишь гром?
Егорий рушил водоем,
Егорий, песнь тебе поем,

МАЙ

Май, Май,
Светлый рай,
Обнимай да не замай.
Май, Май,
Цветничок,
В роще светленький лужок.
Май, Май,
Свежий сон,

Колокольцев нежный звон.
Ландыш здесь,
И ландыш тут,
Это ландыши поют.
Май, Май,
Нежный весь,
Шепот там, и смехи здесь.
Как струна,
Из ветвей,
Звонко кличет соловей.
Май, Май,
Ты — Весна,
Ты — окошко для зерна.
Вдруг пошлешь
Даже снег,
На часок, для больших нег.
Май, Май,
Ты хорош,
Не забыл ни цвет, ни рожь.
Май, Май,
Ты — уста,
Трепет тела, красота.
Май, Май,
В коноплю,
В лен влагаешь ты «Люблю».
Сказок рай,
Урожай,
Поцелуй нас, Май, Май.

ИЮНЬ

Июнь, непостижно-короткая ночь,
Вся прозрачная, вся просветленная.
Кто родится в Июне, никак одному не сумеет помочь:
В душе его век будет греза влюбленная,
Душа его будет бессонная.
В зеленом Июне цветут все цветы,
Густеет осока прохладными свитками,
Белеет купава, как стынущий лик чистоты,
Дрема навевает вещательность сонной мечты,
О маленьком счастье безмолвную речь с маргаритками
Ведет незабудка, и шепчет: «Припомнишь ли ты?»
Цветет и влюбляет ночная фиалка пахучая,
И рдеют сердечки гвоздик луговых.
Кто в Июне войдет в этот мир, каждый цвет, его сладостно мучая,
Будет сердцу внушать, что любить нужно их,
Эти сны, лепестки, и душа его станет певучая,
Расцвеченная, жгучая.

И в Июне, в Иванову ночь,
Он искать будет папороть-цвет,
На вопрос невозможный — желанный ответ,
На вопрос, что, мелькнув, уж не скроется прочь.
И Иванова ночь озаренная
Даст, быть может, огонь златоцветный ему,
Чтоб удвоить, за мигом сияния, тьму,
Чтоб в единственный час,
Где минута с минутой — как искра спаленная,
Тайный папорот-цвет, излучившись, погас,
Чтоб в душе его песнь задрожала стозвонная,
Чтоб душа его стала бессонная.

ИЮЛЬ

Июль — верхушка Лета,
В полях, в сердцах страда.
В цвету — все волны света,
Цветет — сама вода.
Цветет все ярко-ярко,
Расплавлен самый день,
Все дышит жарко-жарко,
Жужжит, и жжет слепень.
В Июле хоть разденьеся,
Не станет холодней.
Гроза, вскипи и вспенься,
Спусти дождей с цепей.
Так ноют ноги, руки,
О, Лета перелом,
Мне легче эти муки,
Когда я с кем вдвоем.
Сияй же мне, зарница,
И молнией мне будь,
Лети же в сердце, птица,
Открой мне в Вечность грудь.
Греми же, колесница
Венчанного Ильи,
Окутай, огневица,
Все помыслы мои.

АВГУСТ

Зарничник, Зарев, Ленорост,
Дожать, вспахать, посеять,
Пожары сел, паденье звезд,
Пожары листьев, звездный мост.
Куда? И что лелеять?
Серпы нагреты, а свежей,